

ИСТОРИЯ

А.Ф.Кофман

Эрнан Кортес. Первое послание- реляция императору. Основание города Веракрус

Перевод с комментариями

Вниманию читателя представляется первая публикация на русском языке первого письма Эрнана Кортеса императору Карлу V со вступлением, комментариями и примечаниями переводчика (статья вторая). В заключительной части послания Кортеса императору описан ход экспедиции от острова Косумель в Табаско, где ранее Хуан де Грихальва, столкнувшись с твердым отказом индейцев впускать чужестранцев на свои земли, предпочел отступить. Кортес не таков: он вступает в битву с огромной армией индейцев, с помощью конницы обращает их в бегство и приводит к вассальной клятве верности испанскому монарху. Далее испанцы проследовали в залив Сан-Хуан-де-Улоа, где Х. де Грихальва наменял много золота у ацтеков. Здесь происходят два ключевых эпизода в дальнейшей судьбе экспедиции. Первый: «под давлением» солдат и капитанов (а на самом деле по собственному решению) Кортес отступает от инструкций Диего Веласкеса и основывает город (нынешний Веракрус). Второй: опять же по тайной инициативе Кортеса солдаты и капитаны в ходе демократических выборов назначают его генерал-капитаном. В заключительной части письма описаны образ жизни и нравы местных индейцев, в том числе, с негодованием, практика человеческих жертвоприношений

Ключевые слова: Фернандо Кортес, реляция, Рекеримьенто, заселять, жертвоприношение.

DOI: 10.31857/S0044748X0019314-4

Статья поступила в редакцию 24.10.2021.

Покинув сей остров, мы взяли курс на Юкатан и, следуя вдоль побережья, дошли до большой реки, названной именем Грихальвы; как Ваши Величества уже знают из посланных вам реляций, эту реку открыл родственник Диего Веласкеса Хуан де Грихальва. Устье той реки столь мел-

Андрей Федорович Кофман — доктор филологических наук, зав. Отделом литератур Европы и Америки Новейшего времени, заместитель директора ИМЛИ по научной работе. ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН (РФ, 121069 Москва, ул. Поварская, д. 25 а, <https://orcid.org/0000-0002-3799-9343>, andrey.kofman@gmail.com).

Окончание. Начало см.: Латинская Америка, № 3, 2022.

ководно, что ни один крупный корабль из нашей флотилии не смог в него войти; однако сказанный капитан Фернандо Кортес проявляет изрядную ретивость на вашей службе, стараясь обо всем на этой земле разузнать и послать вам правдивую реляцию, и посему он решил не двигаться дальше, пока не разведает тайны сей реки и поселений на ее берегах, о богатствах коих шла великая молва; и тогда он пересадил людей на маленькие суда и шлюпки, и мы двинулись вверх по реке, дабы увидеть землю и народ ее населяющий. В первом селении индейцы встречали нас на берегу реки, и капитан обратился к ним с речью с помощью толмачей и упомянутого Херонимо де Агиляра, который много лет провел в плену на Юкатане и свободно говорил на местном языке.

Капитан сказал туземцам, что не имеет недобрых намерений и прибыл сюда переговорить с ними от имени Ваших Величеств; и попросил индейцев дозволить нам высадиться на берег и заночевать здесь, поскольку на наших шлюпках и судах мы еле помещаемся стоя, а возвращаться нам на наши корабли, стоящие в открытом море, уже поздно, ибо скоро стемнеет. На это туземцы ответили, что он может говорить все, что ему вздумается, пребывая там, где он находится, а на берег они нас не пустят; и после этих слов индейцы взяли луки наизготовку и стали угрожать нам, и говорили, чтобы мы убирались прочь; а поскольку солнце уже клонилось к закату, капитан приказал высадиться на песчаном берегу неподалеку от селения, где мы и заночевали.

На следующий день поутру к нашему лагерю подошли на каноэ индейцы, они привезли несколько кур и немного маиса, что хватило бы накормить несколько человек, и сказали, мол, заберите это и убирайтесь вон с нашей земли. Капитан ответил им через толмачей, что нипочем он не уйдет с этой земли, пока не разузнает ее тайн и не напишет о ней реляцию Вашим Величествам, и просил их не препятствовать нам, поскольку они являются вассалами ваших королевских высочеств; туземцы же на это сказали, что мы не осмелимся войти в их селение и лучше нам было бы убраться из их земли подобру-поздорову; на том они сели в каноэ и отошли от берега. Когда они скрылись из виду, Фернандо Кортес приказал одному из своих капитанов взять под свое начало двести человек и двинуться с ними по дороге, которая, как мы разведали ночью, вела в селение, а сам с восемью десятками людей загрузился на бригантины и шлюпки и направился к селению по воде. Когда он подошел к селению, индейцы выстроились на берегу, вооруженные луками, копьями и палицами, говоря, чтобы мы убирались прочь, а если мы хотим войны, мол, начинайте, увидите, как они сумеют защитить свое селение. Фернандо Кортес приказал трижды зачитать им Рекеримьенто и попросил эскрибано Ваших Величеств, коего всегда держал при себе, удостоверить на бумаге, что он трижды призывал их к миру, но индейцы не вняли гласу рассудка и по-прежнему препятствовали нашей высадке и пускали в нас стрелы.

Король Фердинанд озаботился тем, чтобы придать Конкисте законный характер, а таковой она обретет, если индейцы уяснят, по какому праву испанцы берут во владение их земли и требуют от туземцев присягать на верность неведомому им правителю. По его заказу в 1512 г. придворный юрист Хуан Лопес де Паласиос

Рубиос составил документ под названием «Рекеримьенто» (букв. — требование). Документ, как водится, отличался многословием, и пусть читатель вообразит себя на месте индейца, который выслушивает все это пышнословие, и проникнется сочувствием к толмачу, который переводит все это на индейский язык. Надо признать, что «Рекеримьенто» выстроено логически безупречно. Сначала индейцам растолковывается, что есть единый истинный Бог, сотворивший все сущее. Бог доверил свою власть одному человеку на Земле — римскому папе. Далее пришельцы сообщают, что Понтифик «подарил эти острова и материковые земли моря-океана со всем, что в них есть, вышеуказанным королям, их наследникам и потомкам»; а если не верите, говорится в «Рекеримьенто», мы готовы показать вам ту буллу дабы вы сами убедились. Затем следует переход к практической части. Испанцы призывают туземцев «по доброй воле и безо всякого сопротивления» [1, р. 216] покориться вышеназванным сиятельным персонам и с радушием принять посланников Его Святейшества, которые обучат их истинной вере. И если туземцы станут добрыми христианами, то с ними будут обращаться, как с прочими подданными королей. Заключительную фразу «Рекеримьенто» следует привести полностью, ибо в ней-то — самая суть. «А ежели не сделаете так или злонамеренно затянете с решением, то заверяю вас, что с Божьей помощью я насильно вторгнусь на ваши земли, стану воевать против вас повсюду и всеми доступными мне средствами и приведу вас к подчинению Святой Церкви и Их Высочествам; и возьму в плен вас, ваших жен и детей и сделаю вас рабами, и как таковых продам и буду распоряжаться вами, как сочтут нужным Их Высочества, и отберу ваше добро и причиню вам столько бед, сколько смогу, ибо так поступают с вассалами, которые не признают власть господина, противоречат и сопротивляются ему; и заявляю, что все смерти и беды, каковые из сего воспоследуют, произойдут по вашей вине, а не по вине Их Высочеств, моей или сих кабальеро, пришедших со мной, и прошу, чтобы все вышесказанное письменно засвидетельствовал присутствующий здесь эскрибано и все прочие также стали свидетелями». [1, р. 216-217] По распоряжению короля конкистадоры должны были три раза зачитывать вслух «Рекеримьенто», прежде чем начинать военные действия.

Тогда сказанный капитан приказал произвести несколько выстрелов из пушки и высадиться на берег. Приказ его был тотчас исполнен; при высадке индейцы ранили несколько наших, но мы бросились в атаку, а с тылу подоспел отряд, пришедший по дороге, туземцы пустились в бегство и покинули селение, после чего мы разместились в той его части, которая оказалась нам наиболее укрепленной.

На следующий день ближе к вечеру к нам прибыли два посланца от касика, они принесли несколько вещиц из низкопробного золота и сказали капитану, что дарят ему эти драгоценности, чтобы он не причинял им больше вреда, ушел с их земли и оставил их в покое, на что капитан ответил им, что будет рад не причинять им ущерб, ежели они признают себя подданными самых могущественных королей в мире, коим обязуются служить отныне и впредь, получив тем самым многие милости от Ваших Величеств, в том числе покровительство и защиту от их врагов. Индейцы согласились стать вассалами Ваших Величеств, хотя и продолжали настаивать, чтобы мы покинули их землю, и так мы заключили договор о дружбе.

После этого капитан сказал, что мы не взяли с собою пищу с кораблей и здесь нам нечего есть, и попросил индейцев снабжать нас едой все время, какое мы здесь пробудем. Туземцы обещали завтра принести нам еды и ушли; прошло два дня, но они так и не появились, по какой причине голод становился все ощутимее; и на третий день некоторые испанцы стали просить у капитана разрешение отправиться по окрестностям на поиски пропитания, и Фернандо Кортес, потерявший надежду дожидаться индейцев с провизией, направил четырех своих капитанов во главе двухсот человек на розыски пищи. Испанцы столкнулись с войском туземцев, которые обрушили на них град стрел и ранили двадцать человек, и, если бы Фернандо Кортес вовремя не пришел им на помощь, полегла бы половина отряда; нам пришлось возвратиться в лагерь, где сражавшиеся обрели отдохновение, а раненые лечение.

Весьма раздосадован был капитан тем, как дурно поступили индейцы, которые обещали доставить нам провизию, а вместо того пошли на нас войною, и посему он приказал доставить с кораблей десять коней и сотню людей подкрепления, подозревая, что индейцы, воодушевленные вчерашней победой, вскорости атакуют наш лагерь. На следующий день он послал несколько капитанов во главе трехсот человек к месту вчерашней баталии, а вслед за ними в арьергарде еще двух капитанов с сотней солдат, и сам неслышно двинулся следом в составе десяти конных. Вскорости авангард столкнулся с громадным войском индейцев, которое направлялось к селению с намерением ударить на наш лагерь, и, если бы мы сами не вышли навстречу им, пришлось бы нам очень тяжело. Капитан артиллерии, возглавлявший авангард, несколько раз произнес в присутствии эскрибано предупреждения, изъясняя туземцам через толмачей, сопровождавших воинскую колонну, что мы не желаем воевать и пришли к ним с миром и любовью, на что индейцы ответили не словами, а градом стрел. Завязалась битва, и длилась она два часа, когда подоспел Фернандо Кортес с конными с той стороны, где индейцы начали окружать испанцев, но такова была численность индейцев, что пешие не видели всадников, а всадники не видели ни пеших, ни друг друга; лишь где-то через час пехота разглядела конных, воодушевилась, бросилась в атаку, обратила туземцев в беспорядочное бегство и преследовала их на протяжении пол-лиги.

Видя, что туземцы разбиты, капитан решил не тратить сил на их дальнейшее преследование, приказал всем собраться и произвел смотр своего войска: два десятка человек были ранены, но из них никто не умер, в живых остались и те, кто вчера получили ранения. Итак, подобрав раненных, мы возвратились в лагерь, куда привели двух пленных индейцев; капитан повелел их отпустить, дав им наказ передать касикам: если те придут к нему, то он простит им их злонамерения и станет их другом; и в тот же вечер в лагерь пожаловали два индейца, судя по виду, из знати, и сказали, что очень раскаиваются в содеянном, и просили простить их и не причинять больше ущерба и не убивать их людей, а убито было больше двух сотен человек; и пусть, говорили они, случившееся останется в прошлом (*que lo pasado fue pasado*), и обещали они отныне и впредь считать себя вассалами тех королей, о коих им говорили, и обязались служить им и выполнять все, что от их имени им ни прикажут.

Заклучив с ними мир, капитан спросил их через своего толмача, что это за воины сражались сегодня с испанцами, и ответили касики, что по их призыву сюда пришли воины из восьми провинций, и всего собралось их сорок тысяч, а может, и больше, но лишь до этой цифры туземцы умели считать. Поверьте, ваши королевские высочества, победа сия была одержана скорее волей Божией, нежели нашими усилиями, ибо против сорока тысяч воинов не выстояли бы мы, числом четыреста человек. После того, как мы заключили мир, туземцы за четыре или пять дней, что мы там находились, принесли нам сто сорок песо золотыми побрякушками, и судя по всему, земля та бедна золотом, видимо, эти убогие вещицы были собраны из разных мест и добывались путем меновой торговли.

Однако это — хорошая земля, в изобилии дающая пропитание — маис, фрукты, рыбу и прочее. Селение стоит на берегу вышеназванной реки, окрест расположены возделанные участки земли, где туземцы выращивают что им нужно для пропитания. Капитан внушил туземцам, сколь заблуждаются они, поклоняясь своим идолам и божествам, и призвал их принять нашу святую католическую веру, для чего воздвиг на высоком месте большой деревянный крест, чему индейцы были несказанно рады, и заверяли, что будут поклоняться этому кресту.

Речь в данном случае идет о весьма специфическом акте окрещения или освящения пространства, который предстает как самозначимый акт, полный особого смысла. Воздвижение креста — а оно вовсе не обязательно было связано с проповедью — стало повсеместной практикой Конкисты, которая восходит еще к первому дню «сотворения» Латинской Америки: на месте высадки на острове Гуанахани (Сан-Сальвадор) 12 октября 1492 г. по приказу Колумба был установлен деревянный крест. В дальнейшем свой путь в пространстве Нового Света отмечали крестами многие первопроходческие экспедиции. Так, по свидетельству Андреса де Тапия, Кортес «приказывал ставить кресты повсюду, где он проходил» [2, р. 83]; его слова подтверждает Берналь: «В каждом индейском поселении он воздвигал крест» [3, р. 210]; и сам Кортес неоднократно поминает об этом [4, р. 22, 26, 173].

Символический акт воздвижения креста обращен не столько к индейцам, сколько к пространству, и в представлении конкистадоров он является одним из важных элементов процесса овладения пространством. В сознании конкистадоров крест тесно ассоциирован с идеей завоевания, ибо испанский меч эпохи Конкисты воспроизводил очертания креста. Согласно общепринятой символике, рукоять и лезвие (земное и небесное) сходились в одной точке — в острие, указующем на Бога, истину. При воздвижении креста-меча в Новом Свете получалось так, что «острие меча» как бы «вонзалось» в землю. Тем самым акт окрещения был неотрывно сопряжен с актом умерщвления. Безусловно, эти коннотации генетически связаны со средневековыми представлениями о «нечистых» землях, находящихся под властью дьявола. Данный контекст очень ясно прочитывается, например, в следующем фрагменте из писем Нуньо де Гусмана: «Я водрузил крест на самой вершине той скалы и помолился, чтобы Господь стал восхваляем и обожаем в сих местах, где столько времени служили и приносили жертвы дьяволу» [5, р. 277]. Вместе с тем, интерпретируя окрещение, вряд ли можно ограничиться лишь чисто религиозными представлениями. Всякое пространство, где еще не ступала нога европейца, воспринимается варварским, находящимся вне истории и культуры, и

воздвижение креста, главного символа европейской цивилизации, мыслится в первую очередь актом культурупорождающим. И в этом жесте задействованы многие коннотации безмерно широкого символа креста.

Крест — прежде всего структура: самый элементарный, но и самый емкий символ сознательной созидательности, космоса в противопоставлении хаосу. Американское пространство — хаотичное, неструктурированное, распластанное вкривь и вкось по изогнутым линиям, лишенное четких координат — как бы перечеркивается крестом, жесткой радиоцентричной схемой, которая обозначает горизонталь и вертикаль, верх и низ, правое и левое, стороны и центр. Крест воздвигается на возвышенностях [5, р. 271, 277; 4, р. 22; 2, 89], что в первую очередь связано с комплексом религиозных идей, отождествляющих «верх» с божественным началом. Оппозиция верх / низ вообще составляет основу европейской цивилизации и европейского типа мышления как такового. В восприятии конкистадоров пространство Нового Света не имеет ясно обозначенных верха и низа: мало того, что оно хаотично, верх в нем может быть с обратным, негативным знаком, в частности, когда речь идет о пирамидах, языческих капищах на вершинах холмов, либо просто о «неосвященных» вершинах гор. В этом смысле крест в вышине — это восстановление «правильной» иерархии «верха» и «низа», попытка первичной организации американского пространства.

Таким образом, крест на вершине становится одним из способов структурирования американского пространства и тем самым его подчинения. Отчасти именно поэтому (а не только в качестве пропагандистского знака) крест должен выделяться, он должен быть виден издалика: «Маркиз приказывал ставить кресты повсюду, где, как ему казалось, они будут выделяться...» (*donde le parecía que estarían preeminentemente*) [2, р. 91]; «На холме... был воздвигнут крест шестидесяти пядей высоты, так что более чем за четыре лиги были видны его величественные очертания» [5, р. 272]. Такой крест не только послужит ориентиром, но и «перечеркнет» протяженность окружающего хаотичного пространства, тем самым придав ему новое, «цивилизованное» измерение.

Наконец, крест должен заключать в себе идею прочности, долговечности, поэтому конкистадоры стараются воздвигать монументальные кресты. Испанцы — не временные гости на землях Нового Света, они пришли сюда, по их убеждению, навсегда и чувствуют себя здесь полновластными хозяевами. Величественный крест, вросший в землю на холме, становится знаком их победы над пространством, их отныне извечного присутствия, а также символом начала истории, нового отсчета времен.

Так мы расстались большими друзьями с новообращенными вассалами ваших королевских высочеств и продолжили наш путь, пока не достигли залива Сан-Хуан, где капитан Хуан де Грехальва выменивал золото, о чем Вашим Величествам было подробно доложено в реляции. На берег вышли местные жители любопытствовать, что за суда к ним прибыли, но так как уже смеркалось, капитан решил заночевать на кораблях и запретил кому-либо высаживаться. На следующий день утром капитан произвел высадку с большой частью людей; его поджидали два индейца, видать по всему важные персоны, коим он преподнес кое-какую одежду из своего гардероба, и через толмачей изъяснил, что прибыли мы в эти края по приказу Ваших Королевских Высочеств, дабы рассказать, что им надлежит

делать на вашей службе, и попросил их направиться в селение и позвать касика либо касиков, чтобы пришли к нему на переговоры; и дабы заверить их в своих добрых намерениях, он послал касикам две рубахи и два камзола, один атласный, другой бархатный, пару шапок и колокольчиков. С этими сокровищами отправились посланцы, и на следующий день, незадолго до полудня, пришел в их сопровождении касик селения, коему капитан изъяснил через толмачей, что он не причинит местным жителям никакого вреда, а явился единственно с целью довести до их сведения, что они должны признать себя вассалами Ваших Величеств, обязаться служить вам и давать все, чем богата их земля, ибо так заведено повсюду; на что касик ответил, что он премного рад подчиниться и служить столь могущественным властителям, как Ваши Королевские Высочества, о коих ему поведал капитан; последний же, видя сколь добрую волю проявляет касик, заверил его, что тот обязательно будет вознагражден вашими королевскими милостями. Сказав это, капитан одел на него рубашку голландского сукна, бархатный камзол, и повязал ему золотую ленту, чем касик остался чрезвычайно доволен, после чего сказал капитану, что сейчас пойдет в свое селение, но завтра вернется и принесет дары, дабы мы убедились в его искреннем желании послужить Вашим Королевским Высочествам. Он распростился и ушел, а на следующий день, как и обещал, вернулся, приказал постелить на землю перед капитаном белое полотно и положил на него прекрасные изделия из золота, каковые вместе с прочими перечислены в списке, предоставленном нашими посланниками.

В нашей флотилии собрались люди благородного рода, идалго, готовые ревностно служить Господу Богу и Вашим Королевским Высочествам, радеющие о том, чтобы возвысить вашу корону, расширить ваши владения и преумножить ваши богатства. После того, как касик удалился восвояси, мы собрались и обратились к капитану Фернандо Кортесу, и сказали ему, что нашли добрую землю, и судя по тем подношениям, какие принес нам касик, она богата золотом, а кроме того, здешние туземцы настроены миролюбиво, и посему в интересах Ваших Величеств не следовать инструкциям Диего Веласкеса, который приказал Фернандо Кортесу выменять золота сколько можно и возвратиться с ним на остров Фернандина, чтобы Веласкес прибрал это золото к рукам; и все мы единодушно решили, что лучше будет, если мы от имени ваших величеств заложим здесь поселение с представительством королевской власти (*en que hubiese justicia*), дабы и в этой земле вы имели свои владения, как имеете их в других землях; тем самым мы расширим ваши владения, и вы со своей стороны сможете одаривать королевскими милостями нас и тех, кто придут сюда после нас.

В понимании конкистадоров существует четкое разграничение целей и задач экспедиций, выраженное оппозицией *rescatar / poblar*. Глагол *rescatar* (вести новую торговлю) обозначает рейды в поисках добычи; а поскольку «выменивание» золота часто приобретало характер откровенного грабежа, то в указанной оппозиции нередко фигурировал куда более откровенный по смыслу глагол *ranchear* (грабить). Глагол *poblar* (заселять) — имеющий очень широкий круг значений, связанных с цивилизаторской деятельностью, включая строительство поселений и городов (*pueblos*), — подразумевает *о*-своение пространства: сделать его

«своим», одомашнить его, перековать по европейскому образцу. В конечном счете ради этого и совершается завоевание. Хронист Франсиско Лопес де Гомара писал: «Кто не заселит, не совершит хорошей конкисты; а не покорив землю, не обратишь язычников в христианство; посему главной задачей конкистадора должно стать заселение». [6, р. 70] И большинство завоевателей Нового Света подписались бы под этими словами.

Выделенная оппозиция обозначает две, в сущности, противоположные стратегии — колонизаторскую и пиратскую. Надо признать, что по части инициативы и энергетики пираты ни в чем не уступят конкистадорам; но, в отличие от последних, они не были способны к двум вещам: они не умели вести сколько-нибудь длительную совместную военную кампанию и совершенно не были приспособлены к созидательной деятельности. Конкиста прихотливо сочетала в себе обе стратегии, и все же первая решительно превалировала — будь иначе, то в кратчайший исторический период заложили бы основы того, что будет названо латиноамериканской цивилизацией, было бы невозможно.

Экспедиции, посланные лишь с целью добычи золота, завершались возвращением в исходный пункт их участников, которые не предприняли попыток закрепиться на новооткрытых землях. В результате этих набегов, безусловно, могли происходить важные географические открытия, и появлялась ценная информация, но подлинное овладение пространством Нового Света было немыслимо без заселения. Сходным образом хронист Лопес де Гомара объясняет провал экспедиции Эрнандо де Сото в Северную Америку: «Он не заселил эти земли, и оттого сам погиб и загубил тех, кого повлек за собою. Никогда ничего путного не выйдет у конкистадоров, ежели наперед всего они не будут думать о заселении...» [6, р. 70]. Это хорошо понимали и власти, которые в капитуляциях обычно предписывали новоявленному губернатору основать сколько-то поселений и ревностно следили за соблюдением этого пункта. Важен не только город как таковой; не менее значима окружающая его система энкомьенд, которая стала оплотом оседлости, привязывая конкистадора к завоеванной земле.

Все мы, сколько нас было, с полнейшим единодушием, как один человек, порешили на этом и предъявили требование сказанному капитану, в коем заявили, что ради служения Господу Нашему и вашим величествам следует заселить эту землю и привели вышеприведенные доводы, и потребовали, чтобы он прекратил выменивать золото, ибо это приведет к потере (*destrucción*, разрушению) земли, отчего мы сослужим вам дурную службу, и посему мы просим и требуем, чтобы он заложил здесь город и от имени ваших королевских высочеств назначил алькальдов и рехидоров, а ежели не сделает этого, мы выступим против такого решения.

В экспедициях конкистадоров единоначалие генерал-капитана, который самостоятельно принимал решения и был волен весьма сурово карать нарушителей его приказов, странным образом сочеталась с таким демократизмом в отношениях командира с подчиненными, какого не знала испанская регулярная армия. Генерал-капитан конкистадоров находился совсем в ином положении, чем главнокомандующий королевского войска, который жил обособленно от солдатской массы, имел особый рацион питания, а в бою отдавал приказы, наблюдая с возвышенности за ходом сражения. Попробовал бы кто из генерал-капитанов поставить себя

на такую ногу! Он делил с солдатами все тяготы пути, вместе с ними питался или голодал, а в бою шел впереди; он должен советоваться с капитанами и общаться с солдатами, внушать им бодрость, словом, быть на короткой ноге с войском. При этом его подчиненные имеют право в любой момент предъявить ему коллективное «требование», как правило, оформленное в письменном виде, о том, что он, положим, должен поменять маршрут или основать селение, или возвращаться назад, и т. п. И в этом документе, как правило, всегда содержалась, выраженная намеком или открыто, угроза неповиновения и бунта. Так, например, угроза открытого бунта ясно выражена в требовании, которое предъявили солдаты первооткрывателю Амазонки Ф. де Орельяне, потребовавшие, чтобы «не вели бы нас с собой по реке вверх и не стали бы сие даже приказывать, дабы не подавать повода к неповиновению...» [7, с. 160] В таких обстоятельствах у генерал-капитана было две возможности: либо попытаться переубедить подчиненных (что удалось Кортесу в Тлашкале, когда у него потребовали возвращаться к побережью), либо, если не удалось переубедить, подчиниться (что вынужден был сделать тот же Кортес при отступлении из Теночтитлана). Но в данном случае ситуация развивается по особому сценарию, когда Кортес через доверенных людей сам подготовил обращенное к нему «требование».

После того, как мы предъявили означенное требование, капитан обещал дать ответ завтра; и на следующий день сообщил, что душа его более склоняется к истинному служению Вашим Величествам, нежели к чему иному, и посему он не станет заботиться о своей личной выгоде и продолжать меновую торговлю, дабы возместить огромные суммы, затраченные вместе с Веласкесом на снаряжение сей флотилии, и с радостью выполнит то, о чем его просят ради служения Вашим Королевским Высочествам.

И тогда он с чрезвычайным усердием взялся основывать и заселять город, названный Богатым Городом Истинного Креста, назначил для сказанного города алькальдов и рехидоров и от имени Ваших Королевских Высочеств принял от нас, как полагается в таких случаях, торжественную клятву; и уже на следующий день мы собрались в нашем кабильдо и аюнтаменте, позвали капитана Фернандо Кортеса и попросили его от имени Ваших Королевских Высочеств показать нам инструкции, какими снабдил его Диего Веласкес, отправляя в эти края. Когда капитан предъявил нам эти бумаги, мы внимательно изучили их, и уяснили, что, согласно этим инструкциям, сказанный Фернандо Кортес утратил свои полномочия и отныне и впредь не имеет права ни командовать, ни зваться генерал-капитаном. И подумалось нам, сиятельнейшие владыки, что в интересах служения вам необходимо назначить от имени Ваших Величеств генерал-капитана и верховного судью, который смог бы командовать нами, обеспечивая среди нас спокойствие и согласие во всем, и коему все бы будем с готовностью подчиняться. Мы единодушно решили, что нет никого, кроме Фернандо Кортеса, кому можно доверить сей пост, ибо сказанный капитан проявлял чрезвычайное усердие на службе Вашим Величествам, а кроме того, он набрался немалого опыта в сих краях, умеет написать толковую реляцию обо всем увиденном, затратил все свое достояние на снаряжение сей армады и ради служения Вашим Величествам пренебрег собственными интересами, решив отказаться от меновой торговли, могущей окупить его

затраты. Вот почему мы провозгласили его главнокомандующим и верховным судьей, он же принес торжественную присягу, как в таковых случаях положено, и наше городское управление будет считать его генерал-капитаном и верховным судьей до тех пор, пока ваши королевские высочества не распорядятся иначе. Обо всем об этом мы докладываем вашим королевским высочествам, дабы вы знали, что здесь произошло и в каком положении мы ныне пребываем.

Совершив вышеописанное, все мы, собравшиеся в кабильдо, решили написать Вашим Величествам реляцию и вместе с нею послать вам все золото и серебро, что мы собрали в этой земле, а не пятую часть добычи, как положено; мы ничего не оставляем себе и поступаем так, понимая, что наши приобретения — лишь начало, и желая показать Вашим Величествам, насколько мы усердны на вашей службе, готовые жертвовать своими жизнями и достоянием. Нашими доверенными мы выбрали Алонсо Фернандеса Портокарреро и Франсиско де Монтехо, коих посылаем к вам со всем этим, дабы они от всех нас и от городского совета целовали ваши королевские руки и умоляли выполнить наши просьбы, кои направлены во благо служению Господу, Вашим Величествам и жителям сего града.

Сим посланникам мы вручили наши инструкции и со всевозможным почитанием низжайше умоляем Ваши Величества принять наших доверенных, дозволить им целовать от себя и от всех нас ваши королевские руки и удовлетворить просьбы нашего городского совета, ибо это будет во благо Господу и жителям сего города, кои каждодневно надеются получить от вас милостей.

К нашим дарам мы приложили реляцию, дабы Ваши Величества узнали об этой земле, ее облике (*manera*) и богатствах, о народе ее населяющем, его обрядах и церемониях и о законах им установленных. Земля же сия, где мы от имени Ваших Величеств пребываем, простирается на пятьдесят лиг в одну и в другую сторону от нашего города; побережье здесь ровное с обилием песчаников, которые местами уходят на две лиги вглубь земли. А за ними расположены долины, столь прекрасные и видом своим, и плодородием, и обилием дичи, что, право слово, в Испании не найдешь лучших земель. Они пригодны для выращивания скота, там раздолье для охоты (*todogénerodecaza*), благо там водятся в изобилии разнообразные животные и птицы, созданные Природой: олени, косули, лани, волки, лисы, куропатки, голуби, горлицы двух или трех разновидностей, перепелки, зайцы, кролики, так что живностью эта земля ничем не отличается от испанской; а еще в пяти лигах от побережья, а где и ближе, встречаются львы и тигры¹. За долинами тянется града прекрасных видом высоких гор, и есть середь них одна намного превышающая высотой остальные; и столь высока она, что с нее, наверное, можно обозреть большую часть сей земли и моря; когда пасмурно та гора наполовину сокрыта облаками, а в ясный день видна ее вершина, вся белая, и мы так думаем, что это снег и туземцы подтверждают это; впрочем, полной уверенности в том нет, поскольку, даже приблизившись к тем горам, мы не могли как следует разглядеть ее вершину

¹ Для обозначения животных Нового Света испанцы также применяли привычную для себя «номенклатуру». Львом испанцы называли пуму, тигром — ягуара.

да и земли здесь больно жаркие для снега². В любом случае мы приложим все усилия, чтобы вызнать и это, и все иное, о чем раздобудем сведения, в том числе о золоте, серебре и драгоценных камнях, и обо всем Вашим Величествам напишем реляцию; и ежели, взглянув на наши дары, вы чем-то особо заинтересуетесь и укажете нам, что надлежит искать, мы приложим к тому всевозможные усилия. По нашему разумению, золота в этой земле столько, сколько было в той, откуда Соломон вывозил золото для храма; однако же, прибыли мы сюда недавно и пока успели разведать на пять лиг вглубь земли и на десять-двенадцать лиг побережья по одну и по другую стороны от нашего города; а с моря, пока мы шли сюда, мы видели гораздо больше.

Все эти земли, острова Косумель и Юкатан и ту, где мы ныне находимся, населяют люди среднего роста и хорошо сложенные; но в каждой провинции они по-разному украшают себя: одни прокалывают уши и подвешивают на них большие и некрасивые изделия, другие протыкают ноздри до самого рта и подвешивают большие каменные диски, похожие на зеркало³; третьи протыкают нижние губы близко к зубам и подвешивают каменные или золотые диски столь тяжелые, что они оттягивают губу, отчего лицо сильно искажается. Они носят головной убор вроде альмайсара⁴, только ярко раскрашенный; мужчины прикрывают стыд и надевают ярко изукрашенные длинные накидки, на манер тех, какие носят мориски⁵; женщины из простонародья носят две накидки, одна на поясе прикрывает ноги, другая, на плечах, прикрывает груди, тогда как руки и живот остаются открытыми; а женщины из знати надевают очень длинные хлопковые рубахи, скроенные наподобие наших церковных риз.

Здесь жители, как и жители островов, потребляют в пищу маис, морские свинки, и юкку, ее едят, как и на Кубе, жаренную, а хлеба из нее не делают, ловят рыбу и охотятся, разводят кур, огромных, как индюки Твердой Земли. Здесь есть крупные хорошо обустроенные⁶ поселения, там, где имеется камень, дома сложены из камней, скрепленных известковым раствором, а внутренние помещения в тех домах тесные и низкие, как каморки морисков (*muu amoriscados*); там же, где его нет, дома строят из кирпичасырца, побеленного известью; крыты дома тростниковыми крышами. Дома самых знатных персон очень просторны и на вид красивы (*frescas*) со множеством внутренних помещений; так, в одном только доме мы насчитали больше пяти патио, каждый со своим колодцем и со своими помещениями, предназначенными для рабов и слуг, коих там обретается множество; и перед входом в свое жилище, за его пределами, каждый из тех знатных людей выстроил высокое капище со ступенями, чтобы подниматься наверх, а некоторые соорудили два, три а то и четыре таких капища пре-

² Испанцы видели действующий вулкан Орисаба высотой 5636 м.

³ Эти диски выделывались из обсидиана, вулканического стекла, который ацтеки использовали также для изготовления оружия.

⁴ Исп. *almaizar* от арабского *mi'zar* — головной убор мавров: тюрбан из тюля.

⁵ *Мориски* — мавры, официально принявшие христианство.

⁶ В оригинале: *bien concertados*, от *concierto* — слаженность, распорядок. То есть Кортес говорит о том, что дома стоят не как попало, а рядами, образуя улицы, — то, что сейчас называется «регулярной застройкой».

восходной выделки; эти мечети стоят вокруг широкой площади, и в них туземцы держат своих идолов, сделанных из камня, обожженной глины или дерева, коим поклоняются с таковым рвением и с таким множеством церемоний, что не хватит бумаги, чтобы описать Вашим Величествам все это ни в одной, ни во многих реляциях.

Здесь и далее Кортес называет индейские пирамиды мечетями. Конечно, он понимает, что к исламу эти сооружения не имеют ни малейшего отношения: здесь работает, можно сказать, инерция исторического мышления. Реконкиста завершилась падением Гранадского эмирата, последнего оплота мавров на полуострове в 1492 г., когда Колумб впервые пересек океан. Получилось так, что Реконкиста без временного зазора переросла в Конкисту, и потому в сознании испанцев, завоевателей Америки в том числе, эти два исторических события оказались слиты во времени и в содержании и были восприняты как две кампании одной и той же религиозной войны, лишь на разных территориях, о чем свидетельствуют слова Лопеса де Гомары: «Как только закончилась конкиста мавров, продлившаяся более восьмисот лет, тут же началась конкиста индейцев, дабы всегда испанцы боролись с неверными и с врагами святой веры Иисуса Христа». [8, р. 231].

На самом деле принципиальное различие между этими войнами имелось, и состояло оно в том, что воители Реконкисты не ставили перед собой задачу обратить мавров в христианство, тогда как евангелизация индейцев была объявлена главной целью и оправданием Конкисты. Но в силу инерции исторического мышления в своих реляциях конкистадоры сплошь да рядом называют индейские пирамиды и храмы мечетями; сравнивают индейцев с маврами и с турками, притом сами себя называя не испанцами, а христианами, и неслучайно Сантьяго, считавшийся святым заступником Испании в ее борьбе с маврами, стал покровителем конкистадоров.

Идолы же, хранящиеся в тех мечетях и домах, бывают побольше и поменьше размером, и разной выделки, некоторые украшены перьями и кусками материи и очень искусно изукрашены; так вот, каждый день, прежде чем туземцы приступят к какому делу, они воскуряют на тех мечетях благовония и, бывает, приносят в жертву самих себя, протыкая ножами кто язык, кто уши, кто другие части тела, а кровь, истекающую из их телес, они даруют идолам, иногда разбрызгивают ее по мечети или выплескивают ее в небо, и совершают при том множество всяких церемоний; и ни одного дела они не начнут, прежде чем не принесут жертву.

Действительно, помимо человеческих жертвоприношений ацтеки широко практиковали кровопускание из своего тела, протыкая шипом кактуса или надрезая обсидиановым ножом уши, язык, губы, а иногда мужскую крайнюю плоть. Этот обряд обязательно совершал правитель, когда «всходил на трон». В раны вставлялись соломинки, чтобы собрать кровь в жертвенный сосуд. Помимо религиозного назначения эти самоистязания имели и социальный смысл: мужчина демонстрировал, как он может переносить боль, что свидетельствовало о его мужестве и способности быть воином [9, с. 273; 10, с. 104].

Есть у них еще один ужасный и мерзостный обычай, нигде доселе не виданный и достойный всяческого наказания, и состоит он вот в чем: вся-

кий раз, когда они хотят о чем-нибудь попросить своих идолов, дабы заручиться их поддержкой, они берут множество девочек и мальчиков, а иногда взрослых мужчин и женщин⁷, и на виду у тех идолов живыми вспарывают им грудь, выдирают из тела сердце и внутренности, после чего сжигают сердце и внутренности перед идолами, предлагая им в качестве жертвы дым. Кое-кто из наших людей своими глазами видели это, и они говорят, это — самое ужасное, самое чудовищное, никогда доселе не виданное, что зрели глаза человеческие. И совершают индейцы сии злодеяния столь часто и постоянно, что по нашим сведениям, хоть мы и недолго еще пребываем на этой земле, каждый год убивают и приносят в жертву в этих мечетях полсотни душ, и таков их обычай, заведенный повсюду в здешних краях, от острова Косумель до земли, где мы заложили селение; а теперь примите в расчет, Ваши Величества, как велика сия земля, судя по тому, сколько мы уже ее открыли, и сколько мечетей в ней понастроено; и получается так, что они приносят в жертву таковым образом три или четыре тысячи душ в год.

Каковы же были масштабы человеческих жертвоприношений? Берналь, ссылаясь на подсчеты францисканцев, говорит, что в городах долины Анауак в год приносились в жертву две с половиной тысячи человек [3, р. 806] и, думается, эта цифра не сильно завышена. Несомненно одно: ацтеки приносили людей в жертву систематически, неукоснительно и ежедневно и по количеству человеческих жертвоприношений не знали себе равных ни в Новом Свете, ни, скорее всего, в Старом.

Внемлите, Ваши Величества, в вашей власти пресечь столь великое зло и смертоубийство, и не иначе как сам Господь Бог привел нас сюда, дабы вашей волею сии люди были научены нашей святейшей католической вере, отвращены от почитания идолов и приобщены к божественной силе истинного Бога; и нет сомнения, ежели вослужат они Господу с верою, усердием и рвением, они совершат многие чудеса.

Надобно верить, что не без высшего умысла Господь Бог споспешествовал тому, чтобы мы открыли эти земли от имени Ваших Высочеств, и сделал он это, чтобы преподнести вам драгоценный дар вашей рукою обратить эти варварские народы в истинную веру; и, насколько мы разумеем, будь у нас толмачи и священники, могущие разъяснить им, какова истинность нашей веры и в каковом заблуждении они пребывают, многие из них, если не все, пришли бы к истинному знанию, поскольку живут они более разумно и политически, нежели многие другие из народов Индий.

Для конкистадоров наивысший критерий оценки «разумности» индейцев — тот, что они обозначают формулой *vivir politicamente* (букв. «жить политически»), которая подразумевает высокую степень организации общества, многоступенчатую социальную иерархию, подчинение низших высшим, наличие строго исполняемых законов и т.д. На первый взгляд удивляет, как подобные оценки сочетаются со сведениями о содомии, человеческих жертвоприношениях, дьявольских

⁷ Ровно наоборот: в жертву в основном приносили взрослых людей, а детей — очень редко.

культы и т.п. — о каком «разумном» распорядке жизни может тогда идти речь? В этом, однако, нет противоречия: способность «жить политически» — ценность сама по себе, свидетельство цивилизованности и обещание перспективы подчинения, ибо разумные легче внимают голосу разума. Вместе с тем причудливое, можно сказать, шокирующее сочетание этих характеристик свидетельствует о том, что конкистадоры изначально воспринимали индейцев достаточно сложно, объёмно, контрастно и многоаспектно.

Мы не осмеливаемся сообщать Вашему Величеству все подробности об этой земле и людях ее населяющих, ибо опасаемся, как бы в чем не солгать, потому что некоторые из этих сведений мы получили только от туземцев, не удостоверив их своими глазами, и посему сообщаем вам лишь то, в чем сами уверены. Ваши Величества могли бы направить Святому Папе Римскому правдивую реляцию от нас, дабы он приложил усилия к тому, чтобы обратить сих заблудших людей в истинную веру и тем самым совершить столь доброе дело; и хорошо бы испросить у него разрешения примерно наказывать здешних злодеев и бунтовщиков как врагов нашей святой католической веры, что послужит добрым уроком тем, кто надумает бунтовать в будущем, воспротивится против истины и продолжит служить диаволу, ибо, помимо того, что они убивают детей и взрослых в жертву своим идолам, мы узнали, и получили подтверждение сим сведениям, что все они содомиты и поголовно предаются сему богомерзкому греху.

Конкистадоры склонны обвинять в приверженности к гомосексуализму отдельные индейские племена, а то и целые народы. Гомосексуальная практика среди американских туземцев, безусловно, существовала, но говорить о широком ее распространении неправомерно. Приведем мнение специалиста: «Однако сходство многих, если не всех описаний позволяет утверждать, что гомосексуальная практика не имела в своей основе извращение, а подчинялась магико-религиозным мотивам и была санкционирована ритуалом». [11, р. 62] Завоевателю Америки неважно, чем эта практика санкционирована; для него главное то, что мужеложство не порицается и не преследуется, а это — вольность, невыносимая для христианского сознания. Если содомский грех узаконен, то это бросает тень на все общество. Сведения о гомосексуализме туземцев распространились настолько широко, что конкистадор склонен видеть его проявления повсюду. Часто поводом для обвинения в содомии становится мужская одежда, воспринятая как женская. Так, на этом основании Педро Писарро относит к содомитам всех мужчин Боливии, носивших пончо [12, с. 307]. Подобного рода заблуждения приводят к обобщениям и, как следствие, — к мифологическим аберрациям, когда конкистадор обвиняет в приверженности к содомии целые племена и народы. Этот миф дает дополнительные обоснования цивилизаторской миссии испанцев в Америке.

Нашим посланникам наряду с прочим поручено умолять Ваши Величества, чтобы вы ни в чем не оказывали милостей Диего Веласкесу, заместителю адмирала острова Фернандина, чтобы не назначали его ни аделантадо, ни несменным губернатором, ни главным судьей, а ежели вы его уже облекли каким званием, прикажите отозвать тот указ, ибо не во благо ва-

шему служению будет назначить Веласкеса или кого бы то ни было владеть сими весьма богатыми землями, и ежели вы облечете сказанного Диэго Веласкеса каким званием, то мы, заселившие сии земли, получим от него всяческие притеснения. Ведь мы знаем, что противу его воли мы послали вам все золото, серебро и драгоценности, собранные в этой земле, о чем ясно говорит поведение четырех его споспешников, отправленных с нами: когда они узнали, что все драгоценности, собранные в этой земле, мы намерены отправить Вашим Высочествам, как это и было сделано, то заявили, что лучше было бы отправить их Диэго Веласкесу, и много еще всякого говорили при этом, подбивая людей на бунт, после чего мы их посадили под стражу и подвергнем суду, и сообщим Вашим Величествам о нашем приговоре. Мы видели, как ведет свои дела Диэго Веласкес, и оттого имеем все основания опасаться, что, будучи назначенным губернатором сей земли, он начнет нас всячески притеснять, как он это делал на острове Фернандина на посту губернатора, где правил, ведомый лишь своими личными пристрастиями, а не разумом и справедливостью, и тем самым при репартимьенто разорил и вогнал в бедность много достойных людей, не дав им энкомьенды, коих они заслуживали, забрал себе все собранное ими золото, не оставив им ничего, и всячески угнетал их, а те, донельзя запуганные, опасаются делать что-либо противу его воли. Об этом Ваши Величества не знают и не узнали бы, поскольку те, кого он послал вам, — его выкормыши, коих он всячески задобрил, одарив их индейцами. И также все, кого он на острове посылает улаживать свои дела, выполняют его наказания, за что имеют от него индейцев сколько им заблагорассудится; а когда алькальды и рехидоры требуют от них отчета, они отвечают, что выполняли волю Диэго Веласкеса и просят ни в чем его не ограничивать, и те не осмеливаются их попрекать, дабы ублажить Диэго Веласкеса. Так знайте же, Ваши Величества, как заправляет свои дела Диэго Веласкес на острове Фернандина, знайте, что его посланники ко двору просят для него милостей потому лишь, что он щедро одарил их индейцами, тогда как жители испанских поселений (*comunidades*) к сим просьбам отнюдь не присоединяются, а напротив того, желают, чтобы Диэго Веласкес и его поверенные понесли заслуженное наказание. Вот почему насельники сего Богатого Города Истинного Креста и прокуратор городского совета собрались и предъявили нам требование, каждый подписав оное, где сказано, что все мы единодушно умоляем Ваши Величества не назначать Диэго Веласкеса на важные посты, а наоборот, приняв во внимание вышесказанное, снять его с поста губернатора острова Фернандина и назначить ревизора, дабы он провел расследование и подтвердил правоту наших обвинений.

Также мы, жители сего города, в посланном вам прошении умоляем Ваше Величество дать королевскую грамоту Фернандо Кортесу с дозволением от имени Ваших Высочеств быть нашим генерал-капитаном и верховным алькальдом и повелевать нами по справедливости до тех пор, пока земля сия не будет завоевана и усмирена, ибо нет иного человека более подходящего для этого. Сие прошение и требование мы посылаем с нашими поверенными Вашему Величеству и от имени всех жителей и городского совета нижайше умоляем не отказать просьбам наших посланников,

направленных к вам вашими верными королевскими вассалами, коими мы являемся и пребудем навеки.

Вместе с законно принадлежащей вам королевской кинтой мы посылаем вам золото, серебро, драгоценные камни, щиты и одежды, на чем настоял Фернандо Кортес, что подтверждают, как ваши королевские высочества могут удостовериться, подписи наших посланников.

Написано в Богатом Городе Истинного креста 10 июля 1519 года.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. El requerimiento que se ha de hacer a los indios de Tierra Firme. // Zavala S. Las instituciones jurídicas en la conquista de América. Madrid, Editorial Porrúa, 1935, 621 p. Apéndice documental.
2. Tapia Andrés de. Relación de algunas cosas de las que acaecieron al muy ilustre señor don Hernando Cortés marqués del Valle, desde que se determinó ir a descubrir tierra en la Tierra Firme del Mar Oceano // La conquista de Tenochtitlán. Madrid, Dastin, 2002, 220 p.
3. Díaz del Castillo Bernal. Historia verdadera de la conquista de Nueva España. Barcelona, Ed Sopena, 1975, 815 p.
4. Cortés Hernando. Cartas de relación de la conquista de México. México, Editora Nacional, 1971, 316 p.
5. Guzmán Nuño de. Selección de cartas personales. // F. Marín Tamayo. Nuño de Guzmán. México, 1992.
6. Durand J. La transformación social del conquistador. México, UNAM, 1953, 289 p.
7. Карвахаль Гаспар де. Повествование о новооткрытии достославной великой реки Амазонки. // Открытие великой реки Амазонки. Хроники и документы XVI в. о путешествиях Франсиско де Орельяны. Москва, Географгиз, 1963, 203 с. [Karvahal' Gaspar de. Povestvovanie o novootkrytii dostoslavnoj velikoj reki Amazonok. // Otkrytie velikoj reki Amazonok. Hroniki i dokumenty XVI v. o putestvstvijah Fransisko de Orel'jany. [The story of the rediscovery of the glorious great Amazon River. // Discovery of the great Amazon River. Chronicles and documents of the XVI century. about the travels of Francisco de Orellana]. Moscow, Geografiz, 1963, 203 p. (In Russ.).
8. López de Gómara Francisco. Historia de la conquista de México. Caracas, Hispanidad, 1979, 1049 p.
9. Ершова Г.Г. Древняя Америка. Полет во времени и пространстве. Т. 1. М., Алетейя, 2002, 391 с. [Ershova G.G. Drevnjaja Amerika. Polet vo vremeni i prostranstve. [Ancient America. Flight through time and space]. Moscow, Aleteya, 2002, 391 с. (In Russ.).
10. Нерсесов Я.Н. Тайны Нового Света. От древних цивилизаций до Колумба. М., Мирос, 2001. 320 с. [Nersesov Ja.N. Tajny Novogo Sveta. Ot drevnih civilizacij do Kolumba [Secrets of the New World. From ancient civilizations to Columbus]. Moscow, Miroso, 2001, 320 p. (In Russ.).
11. Barbosa Sanchez A. Sexo y conquista. México, ParaDigma, 1994, 171 p.
12. Педро Писарро. Хроника открытия и завоевания Перу // Кофман А.Ф. Конкистадоры. Три хроники завоевания Америки. СПб., «Симпозиум», 2009, 607 с. [Pedro Pizarro. Hronika otkrytija i zavoevanija Peru // Kofman A.F. Konkistatory. Tri hroniki zavoevanija Ameriki. [Chronicle of the discovery and conquest of Peru // Conquistadors. Three Chronicles of the Conquest of America]. Saint Petersburg, «Simposium», 2009, 607 p. (In Russ.).

Андрей Кофман

Andrey F.Kofman (andrey.kofman@gmail.com)

DSc in Philology, deputy director of the A.M.Gorky Institute of World Literature and the head of the Department of Modern European and American Literature of the A.M.Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Povarskaya Str., 25 a, 121069 Moscow, Russian Federation

Hernan Cortes. The first relation letter to the Emperor. Foundation of the town of Vera Cruz. Commented translation (the end)

Abstract. The first publication in Russian of the first letter of Hernan Cortes to Emperor Charles V with an introduction, comments and notes by the translator. Article two. In the published final part of the message of Cortes to the emperor, the course of the expedition from the island of Cozumel to Tabasco is described, where earlier Grijalva, faced with the firm refusal of the Indians to let strangers into their lands, preferred to retreat. Cortes is not like that: he endures the battle with a huge army of Indians, with the help of cavalry puts them to flight and leads to a vassal oath of allegiance to the Spanish monarch. Then the Spaniards proceeded to the Gulf of San Juan de Uloa, where Grijalva exchanged a lot of gold from the Aztecs. There are two key episodes in the further destiny of the expedition. First: “under pressure” from the soldiers and captains (but in fact by his own decision), Cortes deviates from the instructions of Velasquez and founds the city (present-day Veracruz). Second: again, on the secret initiative of Cortes, soldiers and captains appoint him captain-general during democratic elections. The final part of the letter describes the lifestyle and customs of the local Indians, including the indignant practice of human sacrifice.

Key words: Fernando Cortes, relation, Requerimiento, inhabit, sacrifice.

DOI: 10.31857/S0044748X0019314-4

Received 24.10.2021.